

ОЛЬГА
КОТОВА

ВИДЯЩАЯ
ВО СНАХ

ОНА ВИДИТ СМЕРТЬ
И ДОЛЖНА
ЕЕ ОСТАНОВИТЬ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Ольга Которова
Видящая во снах
Серия «Мистический
детектив. За гранью», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677784

SelfPub; 2023

Аннотация

В небольшом провинциальном городке находят тела девушек. У каждой из них вырезан определенный орган, а вместо него вложена монета, завернутая в лист папоротника. Для поимки преступника из столицы направляют Романа Скоблева. Опытный следователь надеется в кратчайшие сроки раскрыть дело, но сталкивается с рядом мистических событий. И встречает девушку, видящую во снах смерть. Смогут ли эти двое остановить маньяка и найти всему объяснение?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	58
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольга Которова

Видящая во снах

Пролог

Свое двадцатипятилетие Регина вместе с подругами решила отпраздновать в загородном комплексе «Райский уголок». Она сняла небольшой скандинавский домик с мангалом и зоной барбекю. До совершеннолетия девушка жила в детском доме, где научилась ценить преданность и заботу, которые получала очень редко, поэтому на свой праздник пригласила только самых близких, самых преданных, тех, кто всю ее жизнь был рядом и всегда протягивал руку помощи.

– Ой, а где фужеры? – сказала одна из подруг, стоящая с бутылкой шампанского в руках возле деревянного столика.

– Сейчас принесу, – тут же подскочила именинница со своего места.

Регина быстрым шагом направлялась на кухню, когда услышала стук во входную дверь. Это было странно, ведь все гости уже собрались, и она никого больше не ждала. Подумав, что возможно заглянул кто-то из администрации комплекса, девушка пошла открывать. А после застыла на пороге.

– Здравствуйте, – с удивлением произнесла Регина. Появление такого незваного гостя оказалось неожиданностью.

Она знала этого человека давно. Считала его если не другом, то очень хорошим знакомым, который в важные моменты ее жизни всегда был рядом.

– Привет, Региночка. Вот, пришел поздравить тебя с днем рождения, – мужчина протянул ей шикарный букет. Девушка приняла цветы, с удовольствием, прикрыв глаза, вдохнула сладкий аромат роз и улыбнулась.

И не сразу почувствовала укол в шею.

Все произошло быстро, она толком ничего не успела понять. Мгновение – и темнота спеленала сознание.

Регина проснулась оттого, что замерзла. Она попробовала пошевелиться, но не смогла. Ее руки и ноги оказались привязаны к деревянным кольям, вбитым в землю. К тому же девушка была полностью обнажена.

Грудь сковал немой ужас, и стало трудно дышать, словно на шею накинута удавка, перекрывая поток желанного воздуха. Из глаз тут же хлынули слезы.

Внезапно взгляд выхватил мужчину, стоящего неподалеку и что-то бормочущего. Регина знала, кто он, но не могла понять, зачем она ему понадобилась. Вокруг был густой лес, и из-за крон деревьев выглядывала полная луна в окружении мелких точек звезд.

– Очнулась? – ласковый баритон коснулся слуха, и девушка снова перевела взгляд на мужчину. Тот нежно улыбнулся.

Лишь сейчас Регина заметила в его руке медицинский скальпель, сталь которого блеснула в неярком свете луны.

– Будет очень больно, но потерпи, хорошо? Так нужно. Прости, не могу убить тебя безболезненно. Знаешь ли, нелегко вырезать сердце, пока жертва еще жива и в сознании. А иначе ритуал не получится. Помимо этого требуется кровь. Желательно, вся. Мне нужно накормить землю и расположить ее к себе.

От услышанного пульс девушки участился, и она все-таки смогла пошевелиться. Дернулась, но не настолько сильно, чтобы хоть как-то изменить ситуацию.

Мужчина тем временем опустился на колени, пристальным взглядом прошелся по молодому девичьему телу, и Регина почувствовала, как прохладный острый металл коснулся ее кожи. А затем пришла разрывающая сознание боль, от которой она навсегда провалилась в темноту. Последним, что девушка увидела, была яркая луна. Та словно смеялась над ней, над ее беспомощностью. А еще – тонкие, скрипучие деревья, покачивающиеся в такт ветру.

Глава 1

Мерное покачивание вагона заставляло Романа все больше проваливаться в дрему. Он терпеть не мог дальние поездки, а особенно – рабочие командировки. Хотя их было не так уж и много. За все его двенадцать лет в полиции раза три, может, четыре от силы. Но сейчас это не просто запланированная командировка, а нечто большее – возможность отвлечься от повседневной жизни и немного забыться.

Роман прикрыл глаза. Там, на дне мрачной черноты, его ждал хрупкий образ жены. Мысленно потянулся к ней, желая еще раз увидеть ее красивое лицо и глаза, наполненные жизнью. Но тут в воспоминаниях вспыхнули картинки двухмесячной давности.

Марина была не только его супругой, но и коллегой. Над ними даже в отделе смеялись, называя «парочкой твикс». Всегда вместе: дома, на работе, в любых поездках. Дружья удивлялись, как они не надоедают друг другу, а Рома только плечами пожимал. Он с каждым днем уверялся все больше – это любовь. Та самая настоящая любовь, о которой пишут в книгах и снимают фильмы. Его жена была идеальна во всем. Таких, как она, больше нет и не будет.

Дело по маньяку, насилующему малолетних девочек, они вели вместе и, когда напали на след, Марина не дождалась приезда мужа, а пошла одна. Она всегда была бесстраш-

ной и смелой, за что и поплатилась. Рома, с группой оперов приехав на место, нашел только окровавленное тело. Та мразь, которую они ловили, воткнула длинный железный штырь прямо в сердце Марины. Но девушка успела несколько раз выстрелить, прежде чем отключиться.

После похорон он неделю бухал. Надеялся сдохнуть и отправиться вслед за женой. Но этого не произошло. И теперь то, что раньше считал своим счастьем, стало проклятием. Его личным адом, который постоянно с ним, куда бы он ни пошел и чем бы ни занимался.

Чтобы Рома не мозолил глаза своей кислой рожей, его отправили в командировку в небольшой провинциальный городок всего на пятнадцать тысяч человек населения. Две недели назад там стали погибать молодые девушки. При этом их находили голыми, завернутыми в белую простыню и практически обескровленными.

Скоблев считал – орудует маньяк. В свободное время следователь немного изучил полицейские сводки и не нашел чего-либо похожего. Этот город вообще был словно маленький рай, где ничего, кроме не особо серьезных краж и угона автомобилей, не случается. Немудрено, что такие происшествия сильно обеспокоили руководство.

Вагон резко дернулся, и Роман открыл глаза. Кажется, он все же уснул.

– Уважаемые пассажиры, поезд прибыл на конечную станцию. Перед выходом проверьте, пожалуйста, свой багаж, –

раздался приятный голос проводницы.

Рома посмотрел в окно, обращая внимание на густой лес, виднеющийся за толстым слоем стекла.

Мужчина встал, одернул футболку и, достав с верхней полки сумку, поторопился на выход. Перрон приветствовал многоголосым гомоном и запахом угля. Следователя должны были встречать, по крайней мере, так ему сказали.

Отойдя от поезда, Роман направился в сторону вокзала, чтобы не мешать немногочисленным приезжим, когда совершенно случайно налетел на хрупкую девичью фигурку.

– Простите, – залепетала девушка, поднимая на него зеленые глаза.

– Ничего страшного. Это вы меня простите. Совсем не вижу, куда иду, – Скоблев улыбнулся и заметил, каким испуганным взглядом незнакомка посмотрела на него. Роме даже показалось, будто в ее глазах промелькнуло узнавание. Только вот он эту девушку видел впервые.

Мужчина не успел больше ничего сказать. Девчонка, схватив свой огромный чемодан, практически бегом рванула в противоположную от Романа сторону.

– Ненормальная, – прошептал следователь, удивляясь такому поведению. Неужели он настолько страшный? Ну да, немного зарос. Подумаешь, не брился практически неделю, а под глазами синяки от недосыпа.

Роман Скоблев не был никогда красавцем, но и уродом его не назовешь. Вполне себе симпатичный мужчина – брю-

нет спортивного телосложения с глубокими карими глазами, носом греческого бога и пухлыми губами. Характер только не ангельский. И Рома нередко страдал из-за излишнего напора и того, что всегда высказывал свое мнение, не стесняясь обидеть человека.

– Роман Русланович? – раздался мужской молодой голос, и Скоблев обернулся. Перед ним стоял парень лет двадцати в полицейской форме.

– Да, – кивнул в ответ.

– Отлично. Идемте. Меня прислали из отдела за вами. Я Константин.

– Очень приятно.

– О-о-о!.. И мне тоже приятно. Мы не ожидали, что к нам пришлют лучшего следователя из самой Москвы! – громогласно произнес парень, протягивая ладонь Скоблеву.

Городок оказался намного меньше, чем представлял Роман, когда читал в интернете информацию. Серо, уныло, практически сплошной частный сектор – городом назвать это место сложно, скорее, очень большой поселок. А когда они приехали в отделение полиции, Скоблев совсем сник. Такого он еще не видел: обшарпанные стены, на некоторых окнах вместо стекла – пленка с решетками, а сохранившиеся стекла большей частью потрескались. О местных дорогах вообще говорить не стоит – яма на яме. Кажется, пока идет расследование, будет очень «весело». Интересно, какую ему квартиру выделили?

Молодой сотрудник полиции привез Романа в отдел, к начальнику, с нетерпением ожидающему дорогого гостя. Слух о том, что приедет следователь из самой Златоглавой, разнесся буквально по всему городку. Наверное, процентов девяносто населения никогда не были в Москве и видели ее только по телевизору. И тех, кто проживает в столице, простые обыватели считали кем-то вроде мистических существ.

Роман, который трясся больше суток в плацкарте, ужасно устал, и все, чего он сейчас хотел – горячий душ и мягкая кровать, где можно забыться крепким сном. Но его работа не предполагала потакания желаниям.

Войдя за молодым коллегой внутрь полицейского отделения, Скоблев поморщился: воняло так, словно кто-то сдох. И этому тут же нашлось объяснение.

– Капитан, выпустите его наконец! – обратился мужчина в возрасте, одетый в полицейскую форму с погонами подполковника, к дежурному. Тот сидел за стеклянной стеной и явно не ощущал сего «благовония».

Рома остановился возле входной двери и бросил взгляд на того, кто и разносил «аромат». Старый бомж спал на лавке в клетке, сотрясая храпом и так осыпающиеся стены.

«Сколько же постройке лет? И как вообще она еще стоит?» – с удивлением подумал столичный следователь.

Здание местной полиции и правда было старым, к тому же имело историческую ценность. Жаль, про эту самую цен-

ность забыли, и дом не ремонтировали со времен царя Гороха.

Дежурный, встав с насиженного и, видимо, удобного стула, пошел освобождать «преступника».

– Роман Русланович, как мы рады вас видеть! – воскликнул тот самый подполковник, который минуту назад раздавал приказы.

Это, как оказалось, и был начальник отдела – Всеволод Афанасьевич Добролюбов. Грузный, невысокого роста мужичок с лысиной и раскрасневшимися щеками смотрел на Рому с восхищением. Так же на него смотрел тот молодой полицейский, встретивший на вокзале. Только сейчас Рома понял, что совсем забыл, как зовут парнишку.

– Добрый день, – проговорил Скоблев, выдавливая из себя улыбку.

– Милости просим в наш отдел. Не обращайтесь внимания на небольшой беспорядок, – подполковник неопределенно махнул рукой. Беспорядком он, кажется, называл облупленные стены, на которых местами отсутствовали целые куски штукатурки, и огромные дыры в полу, кое-где заложенные кирпичом. – У нас скоро будут делать ремонт. Администрация обещала выделить средства.

Конечно, и Всеволод Афанасьевич, и Рома понимали – никаких средств им не дожждаться. Деньги уйдут куда угодно, только не на ремонт местного отделения полиции.

Кабинет начальника выглядел гораздо цивилизнее, чем ко-

ридор. Правда, здесь время будто остановилось: советская мебель, массивный потрепанный стол в полкабинета и, словно вишенка на торте, большой портрет Сталина на стене. Скоблеву на миг показалось, что он перенесся в СССР.

– Роман Русланович, может, чай или кофе? У меня же на такие пирожки испекла! Как говорит наша молодежь, ум отъешь. Да садитесь, садитесь, не стойте! – указал Добролюбов на свободный стул.

– Спасибо, но, если позволите, я бы хотел ознакомиться с делом, а потом отдохнуть, – возразил Рома. Ему действительно уже не терпелось побыстрее принять горячий душ, наконец-то побриться и хотя бы немного поспать. Он надеялся, что здесь, возможно, ему не будут сниться кошмары с покойной женой в главной роли.

– Конечно.

Подполковник тут же суетливо подскочил к двери, крикнул кого-то и приказал принести уголовное дело. Все это время Рома внимательно наблюдал за Добролюбовым и заметил, как тот явно волнуется, принимая гостя.

Пока посыльный ходил, Всеволод Афанасьевич все-таки вскипятил чайник и заварил чай. По кабинету в одно мгновение разнесся аромат мяты, и Роману нестерпимо захотелось выйти на улицу. Покойная жена любила такой чай. По утрам, когда все нормальные люди пили кофе, Марина – только его. Внутри все всколыхнулось, больно заныло сердце, и мужчина, словно наяву, услышал голос жены. Показалось, будто

кто-то опустил ладонь ему на плечо, и Рома вздрогнул.

В тот же момент раздался стук, и дверь отворилась. Не выдержав, Скоблев встал и подошел к широкому деревянному окну.

– Можно? – он взглянул на Добролюбова, показывая, что хочет открыть окно. Тот согласно кивнул.

Рома тут же распахнул створки, вдыхая майскую прохладу еще не до конца прогретого солнцем дневного воздуха. Ему стало заметно лучше, когда из легких выветрился запах мяты. После смерти жены этот аромат для него подобен яду.

– Роман Русланович, познакомьтесь, наш следователь Леонид Константинович Морозов. Он ведет дело о тех убийствах.

Перед Скоблевым стоял высокий парень чуть младше тридцати. Несмотря на молодость, в его коротко остриженных черных волосах просматривалась седина. И он совсем не был похож на строгого следователя, который раскрывает запутанные и сложные дела.

Улыбчивый парень с восторгом смотрел на Романа, отчего тот слегка поморщился. Он никогда не любил бурного внимания, всегда пытался оставаться в стороне и быть незаметным, но, с приездом в этот город, похоже, придется привыкать.

– Можно? – Роман протянул ладонь к папке, которую держал Морозов.

– Да-да, конечно.

Снова сев, Скоблев открыл документы. На те несколько минут, пока он читал, в кабинете повисла тишина, и Роман кожей чувствовал, что присутствующие на него внимательно смотрят.

Пока столичный следователь входил в курс дела, совершенно незаметно возле его кружки с чаем, которую он попытался отодвинуть как можно дальше, появилась небольшая круглая тарелочка с тремя пирожками. Желудок тут же свело. В последний раз Рома ел в поезде, да и то всего лишь перекусил несколькими бутербродами.

– Личности потерпевших выяснили? – Скоблев оторвался от уголовного дела и поднял взгляд на Морозова, который сидел напротив, с идеально ровной спиной, словно в ту кол вбили.

– Да, там написаны их имена. Выяснить было несложно. Город маленький, и практически все друг друга знают.

– Что-то общее между ними? – продолжил Роман, уже рассматривая снимки с места преступления.

– Только то, что девушкам по двадцать пять лет и они выпускницы одного детского дома. Ну и почерк убийства. У первой жертвы вырезали мозг, у второй – сердце. А вместо органов вложили по серебряной монете с символом, завернув каждую в лист папоротника.

Роман поднял взгляд на молодого следователя.

– Ритуальное убийство?

Скоблев уже сталкивался с подобным несколько лет назад.

То дело они расследовали вместе с женой. Кто-то убивал детей, выкачивал из тел всю кровь, а потом просто складывал в одну яму. Как выяснилось, это местные сектанты приносили дары богу Молоху. Главой секты оказался пациент психиатрической клиники, якобы слышащий голоса, которые и заставляли его убивать.

– Тела нашли в разных местах? – не дожидаясь ответа, поинтересовался Рома.

– Да, – четко и быстро сказал Леонид.

– Я хотел бы на них посмотреть.

Морозов переглянулся с начальником отдела, а затем они одновременно уставились на Скоблева. Наверное, не ожидали такой прыти от приезжего коллеги. Роман же мечтал побыстрее раскрыть дело, посадить виновных и отправиться обратно домой. Столичный следователь уже был практически уверен, что и здесь, в этом забытом богом городе, завелся маньяк.

– Так я могу взглянуть на тела? – он внимательно посмотрел на Добролюбова. Тот до вопроса с аппетитом пил чай с пирожками, а теперь отставил чашку.

– Роман Русланович, может, вы сперва отдохнете? А завтра с новыми силами вольетесь в работу? – улыбнулся подполковник.

– Спасибо, конечно, за беспокойство, но я хотел бы ознакомиться со всеми нюансами сегодня.

– Хорошо, – пожал плечами начальник отдела и посмотрел

рел на подчиненного. – Леонид, отвези Романа Руслановича, покажи ему все, что он захочет.

В отличие от Всеволода Афанасьевича молодой следователь поддерживал рвение столичного коллеги и с удовольствием сопровождал того туда, где сейчас находилось тело последней убитой девушки.

Стоило войти в здание морга, как в ноздри тут же ворвался сладковато-пресный запах смерти. Рома ненавидел морги. После их посещения оставался какой-то неприятный осадок, от которого трудно потом избавиться.

– Наталья Юрьевна! – громко прокричал Морозов.

– Леонид Константинович, я здесь, – раздался женский голос, и Роман с удивлением воззрился на молодого коллегу.

Скоблев никогда не понимал такого выбора профессии. Ладно, мужики, у них совсем другая психика. Женщины же должны заниматься чем-то более приятным, а не в трупах вонючих копаться. Хотя Марина тоже выбрала не особо женское дело.

Патологоанатомом оказалась изящная, даже хрупкая красивая дама лет пятидесяти с небольшим. Аккуратно наложенный макияж скрывал морщины, прическа лежала идеально, локон к локону, на губах бледно-розовая помада – ну вот никак эта особа у Скоблева не вязалась с тем, что она сейчас стояла возле разрезанного трупа и копалась в его внутренностях. Образ дополнял испачканный чем-то темным резиновый фартук.

– Наталья Юрьевна, познакомьтесь: Роман Русланович, наш коллега из Москвы. Мы приехали посмотреть на тела девушек.

– Здравствуйте. Очень приятно.

У женщины оказались не только привлекательная внешность, но и красивый голос. Ей бы на сцене петь, а не вот это все. Трещины в картине мира Романа множились с каждым днем. Вроде бы, проработав столько лет в СК, он должен был разбираться в людях. Но на самом деле отчаянно их не понимал. Хотя раньше так ему не казалось.

– И мне, – Скоблев скупно кивнул.

– Петя, закончи здесь! – громогласно приказала женщина, и из коридора появился высокий широкоплечий детина.

Тем временем Наталья Юрьевна быстро сняла фартук, вымыла руки и махнула мужчинам, указывая на дверь.

Они втроем прошли в соседний секционный зал, где стояли две каталки.

– Кроме отсутствия органов, еще что-то обнаружили? – спросил Роман, стоя между каталок и рассматривая тела. Он искал малейшую подсказку, способную хоть немного приблизить к правде.

– Нет. Могу сказать только одно: тот, кто удалял органы, делал это профессионально. Он явно имеет медицинское образование. Вы бы видели, как аккуратно все зашито! Не каждый хирург так сможет.

– Химико-токсикологический анализ делали? – задал оче-

редной вопрос Рома.

– Да. Видите? – женщина слегка нагнулась к телу одной из девушек и показала на еле заметный след от укола в области шеи. Скоблев кивнул. – Им вкололи сильнодействующее снотворное. Только вот его состав странный. Скорее всего, самодельный препарат. В большом количестве там присутствует пассифлора.

– Что это? – Роман тут же заинтересованно посмотрел на Наталью Юрьевну.

– Растение такое. Известно еще под названием страстоцвета или лианы страсти. Оно содержит химические вещества, которые оказывают успокаивающее действие. Также вызывает головокружение, спутанность сознания, потерю координации. Цветок трудно найти у нас в России. Если только кто-то занимается садоводством и специально выращивает, а так он в основном растет в виде сорняка в тропических регионах.

– Получается, нам нужен тот, у кого есть огород, я правильно понял?

Наталья Юрьевна взглянула на Скоблева как на несмышленного ребенка и нежно ему улыбнулась.

– Молодой человек, здесь он есть у каждого, а у кого-то целых два. И если вы захотите полазить по огородам, то придется перелопатить весь город.

Роман тяжело вздохнул и снова посмотрел на тело девушки.

– А что, кроме этого растения, еще нашли? Повреждения сексуального характера, следы травм?

– Нет. Тела идеально чистые. Я больше скажу: одна из них – та, которую обнаружили первой и которой вырезали мозг – девственница.

– Вы серьезно? – с удивлением спросил Скоблев.

– Вполне, – пожала плечами женщина.

– М-да, не густо. Ладно, спасибо за уделенное время.

– Да не за что. Была рада с вами познакомиться.

На улице Роман с удовольствием глубоко вдохнул, наполняя легкие свежим чистым воздухом.

– Леонид, а вы уже проверяли жильё убитых?

– Только у первой. Ничего не нашли.

Молодой коллега стоял рядом, глядя куда-то в сторону, и держал руки в карманах. Его, кажется, нисколько не смущал визит в морг. А вот Роме, посещавшему заведения с мертвыми телами не одну сотню раз, так и не удалось привыкнуть и относиться спокойно.

– А у второй?

– Еще не успели.

– Отлично. Завези меня в квартиру, а потом съездим, вместе посмотрим, где она жила и чем занималась.

Глава 2

Темный ночной лес освещала только яркая луна с миллиардами звезд. Посередине небольшой поляны лежал широкий, плоский камень, больше похожий на алтарь из фильма ужасов.

Оля наблюдала за всем со стороны, словно смотрела какой-то очень жуткий спектакль. Она отчетливо видела лежащую на камне девушку, руки которой были привязаны к кольям, воткнутому в землю с четырех сторон от алтаря. Жертва отчаянно возилась, пытаясь скинуть с себя веревки.

Издалека казалось, будто девушка очень знакома, она где-то с ней сталкивалась. Но где? Оля подошла ближе, чтобы рассмотреть незнакомку, но стоило взглянуть на ее лицо, как по тому словно рябь проходила, и все смазывалось. А вот мужчину, лежащего рядом на земле и смотрящего безжизненными глазами в небо, она видела прекрасно. И узнавала его. Именно он уже больше месяца преследует ее в снах.

Незнакомец снился ей в разных вариациях, и каждый раз она видела его смерть. В первом сне мужчину сбила машина. Оля до сих пор помнит распластавшееся тело на черном асфальте: ноги и руки вывернуты, а половины головы нет. Во втором сне в него стреляли.

А еще она видела девушку-полицейского. Незнакомка хотела поймать преступника, бежала за ним, а он воткнул в ее

тело железный штырь. И возле этой девушки позже стоял на коленях и плакал тот самый мужчина из предыдущих снов. Ей никто не снился настолько часто.

Обычно приходили сны о тех, кого Оля хотя бы один раз в жизни видела. Но иногда и о незнакомых. К примеру, этот мужчина. За месяц она практически наизусть выучила его внешность и могла описать ее с закрытыми глазами.

Эта способность Оле передалась от матери. Та, как утверждал отец, тоже видела вещие сны. Правда, не только смерти, но и важные события, которые должны случиться с людьми. Мать Оли умерла при родах, ее не успели спасти. И воспитывал девочку отец. Он работал следователем и редко бывал дома, поэтому дочь уже с детского возраста стала самостоятельной.

Ее дар проявился в семь лет – именно тогда Оле в первый раз приснился вещий сон. Она не рассказывала о своих снах отцу, но он сам заметил неладное.

В первое время сны приходили нечасто. Может, один, максимум два за полгода. Но чем старше становилась девочка, тем чаще они снились. Самый запоминающийся и самый отвратительный – про отца. Она видела его смерть и отчаянно хотела спасти, но не смогла.

Отец умер, когда Оле было девятнадцать. Сердечный приступ на работе. С тех пор девушка каждый день проклинала свой дар. Ненавидела его всей душой. Из-за него она ни с кем не знакомилась и жила одиночкой. Просто не смогла бы

пережить еще одну смерть близкого человека.

Долгое время она принимала антидепрессанты. Лекарства помогали, и сны ей не снились больше трех лет. Оля думала, что все прекратилось и наконец-то можно жить спокойно. Ходила на работу, радовалась жизни... пока ей не приснился тот самый незнакомец.

Таблетки больше не действовали, а сны стали сниться практически каждую ночь. Она вскакивала с кровати в поту и тяжело дыша. Казалось, дыхание смерти буквально ощущается, прохладным ветерком проходя по телу. К счастью, начался отпуск, и можно сбежать из душной столицы, которая давила на нее со всех сторон.

Оля уехала к единственному оставшемуся родственнику – брату бабушки. В детстве она часто приезжала в этот городок и жила там по несколько месяцев. Ей нравилась его тишина и спокойствие, и даже то, что полгорода знает друг друга, не смущало.

Николай Петрович или дед, как называла его Оля, жил на окраине, в частном секторе. Он был травником. И хотя некоторые считали его странным и нелюдимым и обходили стороной, многие, тем не менее, обращались за помощью.

Сойдя с поезда, Оля быстрым шагом направилась с перрона в сторону стоянки, где ее должен встретить дедушка. Везя за собой большой чемодан, она опустила голову, смотря на дорогу. И неожиданно в кого-то врезалась. Причем так, что ее хрупкое тело немного отбросило назад. Но сильные

мужские руки не дали упасть.

– Простите, – быстро проговорила она, поднимая взгляд. И тут же замерла в испуге. На одно мгновение у нее даже сердце перестало биться. На Олю смотрел тот самый незнакомец из снов.

– Ничего страшного. Это вы меня простите. Совсем не вижу, куда иду, – ответил мужчина, выпуская из своих крепких объятий.

А Оля отшатнулась, словно от заразы, в ступоре смотря на него во все глаза. Красивые, мужественные черты лица были ей до боли знакомыми. Она с закрытыми глазами могла обрисовать его внешность до мельчайших подробностей. Встретить этого незнакомца оказалось слишком неожиданным, и девушка сперва даже растерялась, забыв, где вообще находится.

Он еще что-то хотел сказать, но Оля уже бросилась прочь, словно за ней гонятся ненавистные призраки снов. Больше всего она боялась, что рано или поздно люди заметят ее странное поведение. Девушка никому не говорила о своих снах, опасаясь, что ее примут за ненормальную и упекут в больничку. Сама же Оля работала медсестрой в терапевтическом отделении и очень любила свою работу. Ей нравилось помогать людям. Она чувствовала себя нужной, когда заботилась о больных.

Прохладный воздух уже просыпающегося города встретил ее дружелюбно. Вокзальная площадь практически пу-

ствовала. Еще бы, поезд ходит раз в неделю! Да и желающих приехать сюда не так много. А вот тех, кто уезжает, гораздо больше.

– Олюшка! – услышала она родной голос, и тут же улыбнулась.

– Деда! – воскликнула радостно и бросилась в объятия сухонького старика.

Оля любила деда, да и не было у них никого, кроме друг друга. Имей она возможность, девушка бы навсегда переехала в этот город. Но с работой здесь туго, а сидеть на шее у пожилого мужчины она не собиралась.

Дом встретил тишиной и запахом трав, возвращающим в далекое детство. Сызмальства дед Николай учил внучку разбираться в травах – когда и как правильно их нужно собирать. Со временем вся эта информация из ее головы, конечно же, выветрилась, да и изначально не особо интересовала.

Забросив свой чемодан в комнату, в которой всегда жила, когда приезжала в гости, девушка села за стол, где уже ждал горячий завтрак.

– Олюшка, у тебя все хорошо? Бледная ты такая-то. Со здоровьем все нормально? – спросил старик, когда они уже позавтракали и пили чай.

Дед ничего не знал о том, что дар снова себя проявил. Оля не планировала ему говорить, не хотела волновать. Сейчас же не могла скрыть правду. Рано или поздно все равно заметит.

– Мне снова стали сниться сны, – тихо прошептала она, грея ладони об горячую кружку.

Дед Николай, зачем-то вставший со стула, тяжело рухнул обратно и уставился на внучку во все глаза. Оле даже показалось, что от ее признания дедушка постарел на десяток лет. Лицо, покрытое мелкой паутинкой морщин, побледнело, а до этого прямая спина сгорбилась.

– Но ты же говорила, таблетки помогают...

– Говорила. Они и помогали, но перестали. Сны мне снятся уже целый месяц. Я вижу одного и того же мужчину, но почему-то каждый раз он умирает по-разному. А сегодня я с ним столкнулась на вокзале. Мне кажется, он не местный, просто приехал сюда, – все так же тихо проговорила она.

Возможность видеть вещие сны, или дар, как называл дед Коля, передавалась в семье по женской линии и только девочкам. Родив дочь, в течение суток мать умирала, отдав свой дар. Да, могли родиться мальчики, но, произведя на свет девочку, мать умирала всегда.

Отец Оли знал о даре и, по его рассказам, подготовился. Заплатил врачам, чтобы во время родов присутствовали реаниматологи, и был уверен, что спасет жену. Но не спас. Мать Оли умерла на десятую минуту после рождения дочери. У нее просто-напросто остановилось сердце, и никто не смог ее откачать.

Оля же зареклась не иметь детей: не хотела, чтобы и дальше кто-то из родственников умирал от этого проклятия. Про

себя девушка именно так называла ситуацию, а по-другому и не назвать. Может, она и выйдет когда-нибудь замуж, но вот рожать точно не будет. Если уж так захочется, то можно и в детдоме малыша взять. Там полно тех, кто нуждается в любви и заботе.

– Деда, скажи, а всем снились только смерти?

Мужчина тяжело вздохнул, глядя на исхудавшую внучку. За последний месяц Оля скинула несколько килограммов, и на мраморной коже девичьего лица черные круги и мешки под глазами особенно выделялись.

– Нет, – помотал головой он. – Твоя мать, бабка и прабабка видели какие-то важные события, что должны случиться с человеком, и только иногда смерть. Да и сны к ним приходили очень редко. Они жили нормальной жизнью и, кажется, даже внимания на это не обращали. А вот у моей бабки было так же, как и у тебя, если верить деду. Ей тоже снились смерти. Не знаю, как часто, но умирала она с улыбкой на лице. Даже где-то фотография ее в гробу есть. Она там лежит, улыбается. Видимо, устала от такой жизни. Ты на нее очень внешне похожа, и звали ее тоже Ольгой.

От рассказа деда Оле стало не по себе. Умереть она планировала в глубокой старости.

– Но ты не переживай, Олюшка, – Николай Петрович положил на ее ладонь свою и сжал. – Я тебе отвар один сделаю, он поможет. Не знаю только, надолго ли, но хоть выпишься, а то на тебе лица нет.

Оля молча кивнула.

– Деда, я прогуляюсь.

– Конечно, сходи. Свежий воздух тебе не помешает.

Переодевшись в джинсы и черную футболку, Оля вышла на улицу. Дом стоял в самом конце частного сектора, и участок граничил с лесополосой, сквозь которую широкая тропа вела к Святому озеру – так водоем называли местные жители. К нему часто приезжали желающие вылечить от каких-то болезней. Его даже посещали те, кто не мог иметь детей, и чудо происходило – в скором времени беременность наступала. После возвращались уже с детьми, благодарили.

Но Оля, несмотря на то, что видела вещие сны, не верила в чудодейственную силу озера, хотя оно ей нравилось – необычная светло-бирюзовая вода завораживала. В детстве, когда девушка приезжала сюда, она много раз в нем купалась, но никогда не ощущала каких-то целебных свойств. Зачастую она просто сидела и наблюдала за водной гладью.

Вот и сегодня решила пойти к Святому озеру. Народу здесь не было. Иногда эта тишина пугала, но Оля не пыталась скрыться от нее. Как и раньше, она села на уже зеленую траву, откинулась спиной на старый дуб и прикрыла глаза, пытаясь вслушиваться в птичий щебет и шорох листвы. И в первый раз за тяжелый месяц смогла немного расслабиться.

Она просидела так недолго. Показалось, что шум ветра и пение птиц в одно мгновение прекратились, и повисла grobovaya тишина, а по коже словно прошелся холодный вете-

рок.

Оля открыла глаза и осмотрелась. Картинка не поменялась, но звуки и правда все куда-то пропали. Словно кто-то нажал на кнопку «стоп». Девушка поежилась от нехорошего предчувствия. Она уже хотела подняться на ноги и уйти, сбежать из этого места, которое сейчас наводило жуткий страх, как где-то наверху услышала громкое карканье. Подняла голову и заметила, что на нее на огромной скорости несется ворон. Оля только успела прикрыть лицо, когда птица кинулась. Ворон вцепился острыми когтями ей в руки, расчерчивая кожу глубокими разрезами.

Девушка от ужаса даже не сразу почувствовала боль. Слова будто застряли где-то в горле, и не получалось выдать ни единого звука.

Ворон отлетел. Но только для того, чтобы разогнаться и вцепиться опять.

Из руки хлестала кровь, кожу покрывали рваные порезы. Оля подняла голову, выискивая взглядом птицу, а та уже снова мчалась на нее. И, кажется, сейчас с куда большей скоростью, чем в первый раз. Девушка отчаянно огляделась, пыталась найти хоть какую-нибудь защиту. А лучше палку, и побольше, чтобы огреть как следует это взбесившееся пернатое. Но на земле не было ни единой веточки, даже захудалого прутика не валялось.

Когда ворон уже спикировал и находился практически в нескольких сантиметрах, девушка закричала во все горло:

– Убирайся!

У нее получилось настолько громко, что у самой заложил уши. Даже показалось, будто кричала не она: голос прозвучал как-то потусторонне.

Оля снова прикрылась рукой, готовясь к очередной боли, но той не последовало. В уши ворвалось пение птиц, а теплый ветерок заиграл с прядями ее волос.

Девушка огляделась. Ворона не увидела. На мгновение даже показалось, что она уснула, и это обычный ужастик, как в принципе и все ее сны. Но стоило взглянуть на руку, стало ясно – произошедшее не сон. Из многочисленных ран струилась кровь, падая на землю и окрашивая молоденькую зеленую травку в алый цвет. Джинсы и футболка тоже испачкались.

Зажав как смогла порезы, Оля бросилась к озеру. Нужно промыть царапины, а потом разорвать футболку и сделать перевязку.

Взойдя на небольшой мостик, она опустила руку в воду. Та тут же окрасилась алым. Озеро было небольшим, и вода в нем всегда оставалась ледяной, как в ключе. Но в этот момент холод даже к лучшему.

Только сейчас Оля заметила, что плачет. По щекам струились горькие слезы, и скорее всего не от боли, а от усталости. Моральной усталости. Сначала эти сны, не дающие нормально жить, а теперь вот странное нападение.

У некоторых ее знакомых в двадцать пять уже есть семьи,

а у кого-то и дети, а она одна. И всегда останется одна. Просто не сможет с кем-то сблизиться. Ей хватило того, что она видела смерть отца во сне, а потом – и наяву. Оля не представляла, как будет себя чувствовать, когда увидит смерть дедушки, самого близкого и любимого человека на свете.

Сидя на коленях и склонившись к воде, она плакала, свободной рукой утирая слезы. И на какой-то секунде этого отчаяния, в которое себя сейчас погружала, заметила что-то странное, отличающееся от привычной картины мира. Руку, разорванную мощными когтями ворона, слегка покалывало, и кожа словно стягивалась. Испугавшись, Оля тут же вытащила конечность из воды и не поверила своим глазам: рваные раны затянулись, оставляя только тонкие, еле заметные шрамы.

– Но как? – растерянно произнесла девушка, ощупывая кожу.

Оля бы подумала, что окончательно сошла с ума и ворон – всего лишь ненормальный глюк, но тонкие шрамы не оставляли сомнений. Все случившееся несколько минут назад – правда. Ненормальная, нереальная, но правда. Расскажи кому – не поверят.

Значит озеро действительно целебное?

Но этого ведь не может быть! Или может? Сколько раз она сама в нем купалась, и ничего не происходило, а сейчас... Еще и ненормальный ворон, испарившийся словно по щелчку пальцев, стоило ей выкрикнуть одно-единственное слово.

Поднявшись на ноги и все еще не веря в произошедшее, девушка повернулась к лесу, чтобы отправиться домой и рассказать обо всем деду. И внезапно почувствовала тяжелый взгляд.

Оля не сразу поняла, откуда он исходит. Вокруг было тихо, ни души, если не считать птиц и их громкого пения. Она сделала несколько шагов в сторону широкой тропы и бросила взгляд на дуб, около которого недавно сидела. На самой толстой ветке с важным видом восседал черный ворон и смотрел на нее в упор.

Стало до одури жутко. Какая-то ненормальная птица сначала бросается на нее, а потом наблюдает, словно... словно человек.

Оля уже почти дошла до тропы, собираясь сбежать отсюда, пока этот ворон снова не накинулся. Но перед тем как отвернуться, она увидела, что угольно-черные глаза птицы словно вспыхнули золотистым огнем, а потом та сорвалась с ветки и просто упорхнула ввысь.

Глава 3

О расставании со своим парнем Вероника не жалела. Да, Юра немного беспечный, и с ним легко и беззаботно, но совсем недавно она поняла, что больше так не может. В свои двадцать пять ей уже хотелось семью и детей. Тем более жилье и хорошая работа имелись. Да, не предел мечтаний, но Ника не жаловалась. Пару дней назад она задала Юре вопрос, хочет ли он семью. На что парень ответил: ни в коем случае! Эти слова подвигли девушку разорвать отношения и найти того человека, который будет готов к семейной жизни.

Ника сидела за барной стойкой и постоянно одергивала чересчур короткую юбку. Давно она уже не ходила в ночные клубы. Настолько давно, что и сама не помнит, когда это было. Подруга Жанка уверяла, будто в этом платье Вероника просто секси. Лучше бы не слушала ее, а еще лучше – осталась бы дома, посмотрела фильм с мороженым вприкуску, а потом просто забылась крепким сном. Так нет, решила найти себе парня. Ну кто ищет нормальных парней в клубе? Даже если она и познакомится с кем-нибудь, тот уж точно не будет готов строить с ней семью.

– Да пошло оно все! – прошептала Ника раздраженно себе под нос и, расплатившись с барменом, вышла из клуба.

В лицо тут же ударил прохладный ветер. Девушка поежилась. Если днем в середине мая погода довольно теплая, то

вот в ночное время воздух еще не полностью прогрелся. Ника вскинула руку, ловя такси, и первая же машина с шашечками на крыше, выехавшая из-за угла, остановилась возле нее.

– На Бауманскую, двадцать шесть, пожалуйста, – проговорила девушка, устраиваясь на переднем пассажирском сидении.

Водитель, лет сорока или чуть старше, мило ей улыбнулся и кивнул. В темном салоне Ника не рассмотрела толком его лица, к тому же то закрывала кепка, но отчего-то мужчина показался знакомым. Девушка быстро откинула эту мысль и принялась мечтать о том, как сейчас приедет домой, примет душ, смое с себя сантиметровый слой косметики, под которым уже чесалась кожа, и все-таки включит какой-нибудь фильм. Время-то всего лишь десять вечера.

Ника отвернулась к окну, разглядывая городской пейзаж, когда почувствовала в шее какую-то боль, словно ей сделали укол. Она хотела обернуться к водителю, но не успела этого сделать. К векам словно привязали гири, и глаза закрылись, а сознание унеслось куда-то вдаль.

Очнувшись, девушка поняла, что сильно замерзла. Глаза открылись с трудом. А вот произнести ничего не получилось: язык словно одеревенел, как и все тело.

Она лежала голой на земле, ноги и руки оказались привязанными. Ника попыталась пошевелиться, но это плохо выходило.

– Проснулась? Хорошо. Думал, вколол слишком много. Ты вон какая худенькая. В следующий раз нужно рассчитывать дозу внимательнее, – проговорил мужчина и подошел ближе. Лица его все так же рассмотреть не получалось, теперь из-за натянутого на лоб капюшона мантии, но вот голос точно знакомый. Без сомнений, этого человека девушка знала.

Ника замотала головой, и ей показалось, будто он, смотря на нее, улыбается.

– Боишься? – она кивнула. – Не бойся. Будет больно, но ты практически сразу отключишься. Твои предшественницы именно так и делали. Пойми, мне самому противно, да и не хочется, но положение обязывает.

Мужчина убрал прядь волос Нике за ухо, и девушка в ярком свете луны и вблизи увидела его лицо. Теперь понятно, почему водитель показался ей таким знакомым. Никогда бы не подумала, что он способен на такую жестокость.

Тем временем мужчина достал откуда-то скальпель и провел лезвием между грудей Ники, слегка нажимая. Она почувствовала, как горячая струйка крови потекла к животу, а потом пронзительная боль буквально разрежала тело. Если бы девушка только могла, то закричала во весь голос. Но все, что ей оказалось доступным, – это жадно глотать прохладный ночной воздух. От боли закружилась голова, а взгляд утратил ясность. Ника последний раз вздохнула и погрузилась в долгожданную темноту.

Леонид Морозов был самым молодым следователем в единственном отделении полиции города. И именно ему поручили расследовать дело о загадочных убийствах. Леня не верил в потусторонние силы, духов и тому подобное, рассказами о которых кормили по местному телевидению. Только вот сейчас он уже начинал сомневаться. Мало того, что это какое-то ненормальное жертвоприношение, так еще и на месте преступления не нашлось ни единой зацепки.

Следователь сперва предположил, что жертв разрезали где-то еще, тщательно мыли и убирали все следы, а уже только потом привозили туда, где их и нашли. Но Наталья Юрьевна, криминалист и патологоанатом в одном лице, с ним не соглашалась. Она утверждала – убийство происходило именно там, где лежали тела. Но тогда как преступник сделал все настолько чисто, даже не оставив и маленькой капельки крови?

И это было странным.

Леонид единственный радовался приезду столичного коллеги. Сидя в одном кабинете с еще тремя следователями, он много раз уже слышал, как они негативно относятся к привлечению начальством чужака.

Вообще, в их маленьком городке не любили приезжих, особенно из столицы. И Леня знал почему. Многие считали москвичей зажавшимися богатеями, не признающими остальных за людей. Да и сам город тоже виноват: все деньги

из областей туда стекаются, каждый год перекладывают дороги и бордюры, да и медицина лучше.

Но следователь понимал – это обычная зависть. Он не воспринимал столичных жителей каким-то другими, так как сам учился в Москве и знал, что они такие же люди. Разве только, в отличие от провинциалов, пашут как лошади, иногда по двадцать четыре часа в сутки. Ведь в Москве жизнь-то недешевая, вон, съемное жилье сколько стоит, и одной зарплате мало.

Сам Леонид, отучившись, вернулся в свой город, к матери. После смерти родительницы хотел уехать обратно в столицу, но все никак не делал этого. Работы хватало. Пусть и платили копейки, но ему одному было достаточно, семьи-то нет. Так что приезду Скоблева он и правда обрадовался.

Как оказалось, Роман Русланович – умный и дотошный мужик, которому не наплевать на то, поймает он кого или нет. Московский следователь пер как танк, цепляясь даже за самую незначительную ниточку и ловко ее раскручивая. Леня даже завидовал такой хватке и уму.

Морозов сидел в своем кабинете, заполняя рабочую документацию, когда дверь открылась, и вошел дежурный.

– Леонид Константинович, убийство, – будничным тоном проговорил мужчина. Леня посмотрел в окно, где светила яркая луна в окружении миллиардов звезд. Часы показывали два часа ночи.

– Хорошо. Выезжаю, – устало проговорил он, откладывая

папку с документами.

По дороге следователь набрал Скоблева и вызвал патрульную машину, чтобы того отвезли на место преступления.

Как Морозов и ожидал, снова девушка и снова в лесу. Молодая рыжеволосая особа лежала в одной простыне на голой земле. Ее руки были плотно прижаты к бокам, а ноги аккуратно сомкнуты и выпрямлены.

– Красивая, – проговорил Леонид, подходя к телу.

– Да. И не жила еще совсем, – ответила склонившаяся над девушкой Наталья Юрьевна.

– Вы сегодня дежурите?

– Как видишь, – пожала женщина плечами, не смотря на молодого следователя.

– Что тут? Опять что-то вырезано?

– Не опять, а снова.

Тимохина откинула край простыни, которая служила девушке одеждой, и указала на грудицу, точнее, на свежий аккуратный шрам.

– Какой орган на этот раз?

– Сердце и мозг у нас уже есть. Я предполагаю – легкие. Нужно, конечно, вскрытие, но, даю девяносто девять процентов, именно они, – уверенно проговорила Наталья Юрьевна выпрямляясь.

– Такое ощущение, словно кто-то решил собрать Франкенштейна, – хохотнул Морозов.

Тимохина на него строго посмотрела, и Леня тут же под-

нял ладони, показывая, что сдается.

После осмотра жилья одной из жертв Скоблев приехал в выделенную ему квартиру. Однокомнатную, тридцати пяти квадратов, со старым, но чистеньким ремонтом – не хоромы, конечно, но жить можно. Сам Роман в Москве обитал в районе Третьего кольца, в трехкомнатной квартире, оставленной ему родителями.

Ужинать не стал. Приняв горячий душ, взял бутылку виски, так кстати купленную в соседнем магазине, и, налив в стакан немного янтарного цвета жидкости, залпом выпил. Желудок мгновенно обожгло, а по телу расплылось тепло.

Сев на старенький скрипучий диван, Роман пододвинул к себе журнальный столик, на который до этого положил дело об убийстве двух девушек, и стал тщательно вчитываться в написанное.

Ему не давало покоя то, как идеально эти убийства были проведены. Открыв первую страничку уголовного дела, он зацепился взглядом за фотографию монеты, найденной завернутой в лист папоротника вместо вырезанного органа. Рома поднес снимок ближе к лицу, рассматривая изображенный на старой монете символ: три закрученные на концах в спираль луча, выходящие из одной точки.

Достав ноутбук, Скоблев сделал снимок на телефон, отправил на свою электронную почту, а потом загрузил в программу распознавания фото. Интернет опознал знак как

триксель.

«Трискель – древний кельтский символ, используемый в колдовстве и неоязычестве. Означает цикл жизни, смерти и возрождения, движение, действие и завершение. Он защищает, работает как проводник в потусторонние миры и дарует своему обладателю огромную силу», – прочитал сноску к одной из статей Рома и, взяв стакан с виски, снова немного отпил.

– Бред какой-то. Колдовство, символы, духи, ведьмы... – пробурчал он и откинулся на спинку дивана, прикрывая глаза.

Роман считал всю эту ересь абсурдной. Сколько раз он сталкивался со всякими жертвоприношениями и людьми, верящими в богов, магию, ведьм и прочую нечисть. И всегда за этим стояли всего лишь психопаты или желающие разбогатеть, делая из потусторонней чуши бизнес.

Вот и здесь появился какой-то фанатик, приносящий в жертву девушек, вырезая им органы. У Скоблева было столько всяких мыслей на эту тему, что уцепиться за какую-то одну не получалось.

В ушах зашумело, а виски стало ломить. Снова начались головные боли. Он часто их испытывал, когда перерабатывал и долго не спал. К примеру, как сейчас. Сколько уже без сна? Трое-четверо суток? Еще бы голова не болела! Как он вообще на ногах держится и может думать?

Сидя с закрытыми глазами, Рома почувствовал, будто на

него кто-то смотрит. Поднял веки и осмотрелся. Никого, но чужой взгляд точно был.

Это началось после смерти жены. Иногда у него создавалось такое впечатление, словно дух Марины ходит за ним по пятам. Бывало, он просыпался от того, что кто-то его гладит по голове или по плечу. И тогда вскакивал в холодном поту.

Вот и сейчас происходило что-то подобное. В квартире стояла идеальная тишина, разбиваемая лишь его тяжелым дыханием, и не горел свет. Только там, где сейчас находился Скоблев, пространство освещал яркий экран ноутбука.

Тряхнув головой, мужчина снова потянулся, чтобы допить остатки виски, но стакан словно ожил, дернулся, упал на старый потрепанный деревянный паркет и разбился.

– Какого...

Рома подпрыгнул на диване, вставая на ноги и как можно дальше отходя от стола и разбитого стакана, будто тот был ядовитой змеей, готовой вот-вот броситься.

– Что за черт?

Кажется, он точно тронулся умом. Стаканы ведь не живут своей жизнью и не летают, правда? Тогда как этот съехал со стола?

Скоблев зарылся пальцами в отросшие волосы, цепляя их у корней, и потянул вверх.

– Все, хватит пить. А то так и до психушки недалеко, – проговорил он, выходя из комнаты и по-прежнему не включая свет.

Зайдя в ванную, ополоснул холодной водой лицо. По дороге обратно прихватил веник и совок, которые нашлись в углу прихожей. Сгреб осколки разбитого стакана и, убрав в холодильник виски, лег спать.

Чужого присутствия больше не ощущалось. Скорее всего, дали о себе знать обычная переработка и усталость. Но вот съехавший на пол стакан никак не выходил из головы. Рома предполагал, что, возможно, он сам задел ногой столик. Никакой магии – просто резкое движение.

Мужчина уже начал проваливаться в сон, когда ожил мобильный, показывая неизвестный номер.

– Алло, – раздраженным, хриплым голосом проговорил следователь, отвечая на звонок.

– Роман Русланович, это Морозов. У нас труп.

На слово «труп» Скоблев среагировал, как бык на красную тряпку. Сон тут же пропал, как и раздражение.

– Куда ехать?

– За вами сейчас пэпсы приедут и отвезут на место преступления.

Не прощаясь, Рома сбросил вызов и вскочил с кровати. Натянул черные джинсы, футболку с ветровкой, обулся и, не дожидаясь, когда ему сообщат, что за ним приехали, выскочил на улицу.

Выйдя из машины недалеко от места преступления, Скоблев поежился от прохладного дуновения ветра. Осмотревшись, нашел взглядом поляну, освещенную яркими про-

жекторами. Там уже были Морозов и Наталья Юрьевна. При виде этой хрупкой женщины, занимающейся отнюдь не женской работой, Роме стало интересно, а есть ли у нее семья? И если да, то не расстраиваются ли они, когда их мать сутками напролет зависает в морге с трупами?

Быстро отбросив эту мысль, он подошел к телу девушки.

– Роман Русланович, доброй ночи, – поприветствовал Леся столичного коллегу.

Скоблев только молча кивнул и присел над трупом, светя фонариком своего телефона и быстро проходя глазами по телу.

– Личность установили?

– Да. Это не составило труда. Я знал ее. Вероника училась на один класс младше меня и жила в соседнем доме.

– Хорошо. Наталья Юрьевна, нашли что интересное?

Рома перевел взгляд на женщину, аккуратно складывающую рабочие инструменты в чемоданчик.

– Нет, все то же самое. Почерк один и тот же.

– Орган?

– С уверенностью в девяносто процентов могу сказать, что это легкие. Кожные покровы чистые, кроме шеи.

Рома тут же посветил фонариком в область шеи, и уже сам заметил след от укола.

– А кто нашел девушку? – теперь он обратил все внимание на младшего коллегу.

– Рыбаки.

– Рыбаки? – брови столичного следователя поползли вверх. – В два часа ночи?

– Да, – пожал плечами Морозов. – Здесь в трех километрах озеро, они часто по ночам рыбачат. В этот раз один из мужиков собаку свою взял. Та, видимо, сорвалась, вот и пошли ее искать, а нашли труп.

– То есть вы хотите сказать, что недалеко практически постоянно толкуются люди, но никто ничего не слышал и не видел? – Леонид кивнул. – Очень странно, – Скоблев поднялся на ноги и обернулся, светя фонариком вглубь леса. – Такое ощущение, словно кто-то хочет Франкенштейна создать, вот и собирает органы, – проговорил он чуть слышно. Тимохина фыркнула и закатила глаза, услышав его высказывание. – Между девушками есть что-то общее?

– Они все трое из одного детского дома, – ответил Морозов.

– Нам нужно завтра, точнее, уже сегодня, туда наведаться. Наталья Юрьевна, вы закончили с телом?

– Да.

– Уносите! – крикнул Роман санитарам, ждущим неподалеку.

Мужчины, схватив носилки, погрузили на них тело девушки, и все уже хотели расходиться, когда Скоблева что-то привлекло на том месте, где недавно лежал труп Вероники. Роман посветил туда фонариком.

– А это еще что? – проговорил он, привлекая к себе вни-

мание.

Наталья Юрьевна и Леонид тут же остановились и тоже посмотрели туда, куда указывал Скоблев.

– След от ботинка. Предположительно мужской, – произнесла криминалист и, взяв фотоаппарат, сделала несколько снимков.

– Нужно изготовить слепок.

– Зачем, Роман Русланович? – с недоумением посмотрела на него женщина. – Думаете, найдете убийцу по следу от ботинка? Вряд ли. В этом лесу днем постоянно кто-то ходит. А если вы придете на местный рынок и обратите внимание на палатки с обувью, то поймете, что подошва с таким рисунком чуть ли не у всего города.

– И все-таки сделайте, пожалуйста, слепок.

– Как скажете, – спокойно проговорила Тимохина, словно несколько секунд назад не распиналась, доказывая бестолковость занятия.

Домой Роман не поехал, предпочел отправиться вместе с Морозовым в отдел и немного поработать. Тем более у него созрели некоторые мысли.

– Итак, что мы имеем?

Скоблев повесил на доску карту города и канцелярскими разноцветными кнопками обозначил места убийств. А теперь он стоял возле этой самой доски с заложенными за спину руками и рассуждал вслух. Леня же сидел напротив, за своим столом, и внимательно слушал, приготовившись отве-

чать на вопросы.

– Убийства произошли в трех разных местах и все в лесу. Почерк одинаковый. Девушек связывает то, что они сироты и из одного детского дома, – Рома прикрепил кнопку на место, обозначающее здание детского дома. Всмотрелся в карту, обвел взглядом места убийств. Еще раз. И снова. Все это время в кабинете висела гробовая тишина. Морозов не спешил отвлекать столичного коллегу от пришедших мыслей. Наконец Скоблев обернулся к Лене и внимательно посмотрел на него. – Леонид, ты ведь родился здесь и хорошо знаешь город, верно?

– Да, – парень тяжело сглотнул, не понимая, куда ведет Роман.

– Скажи мне, а вообще когда-нибудь раньше происходили подобные убийства?

– Насколько мне известно, нет.

– Нет, значит, – Скоблев задумчиво потер подбородок. – А ты веришь в мистику?

– В мистику? – ошеломленно посмотрел на него младший коллега. – Вы сейчас серьезно?

– Да. Так веришь?

– Не особо.

– Знаешь, я кое-что раскопал о знаке, выгравированном на той монете, которую оставляют вместо органа. Как оказалось, это древний кельтский символ, его используют в колдовстве. Взгляни.

Скоблев ткнул пальцем в полотно карты, висевшей на доске. Леонид поднялся и подошел ближе, но ничего особенно-го не увидел и не понимал, куда смотреть, чтобы уловить ход мыслей столичного следователя.

– А что тут? – поинтересовался он.

– Ничего не напоминают места с кнопками? – загадочно ответил Скоблев, и уголки его губ слегка приподнялись.

Молодой следователь еще сильнее прищурился, осматривая карту с разных ракурсов, но так ничего и не нашел. Рома же, не теряя больше времени, взял маркер и соединил линии.

– Подождите, это же... – Леня с изумлением перевел взгляд на Романа, а затем снова на карту. До него только сейчас дошло, о чем толкует коллега. И как только он сам не додумался раньше? Нужно было лишь включить логику, и все.

– Да, – подтвердил Скоблев. – Тот самый символ, что и на монете. А теперь посмотри, откуда исходят все линии.

– Детский дом, – заворуженно произнес Морозов.

– Именно. Что-то с заведением не так. И мы это должны выяснить.

Глава 4

Вернувшись домой, Оля не стала рассказывать деду о случившемся в лесу. Ей произошедшее еще казалось нереальным. Но когда взгляд цеплялся за едва заметные длинные, тонкие шрамы, словно сделанные лезвием скальпеля, приходило понимание, что все было на самом деле. Ворон, который набросился на нее, вовсе не привиделся, и озеро действительно залечило кровавые раны.

До сегодняшнего дня Оля ни разу не сталкивалась с мистикой, если не считать, конечно, ее снов, не верила в привидений и всякую подобную ерунду. Но случившееся несколько часов назад заставляло сомневаться.

Дедушка, как и обещал, сварил отвар. Питье должно помочь избавиться от снов, и хотя бы сегодня она сможет нормально выспаться. Выпив залпом кружку ужасно вонючей жидкости, в которой еще плавала какая-то субстанция, похожая на слизь, Оля слегка поморщилась, надеясь, что не зря употребила это. И спать уже ложилась с довольной улыбкой, предвкушая, как встанет завтра утром выспавшаяся, отдохнувшая. Наконец-то забудет о головной боли от недосыпания, и не понадобится очередная горсть таблеток от мигрени.

Стоило девушке закрыть глаза, как она буквально тут же провалилась в сон. И все ее надежды именно сегодня вы-

спасться перечеркнул очередной кошмар.

Все та же поляна напротив алтаря, на котором опять была девушка. Оля все так же не видела ее лица, оно словно размывалось, а вот мертвого мужчину, лежащего рядом на земле, узнала: незнакомец, встретившийся сегодня на вокзале.

Она медленно направилась к камню, пытаясь рассмотреть лицо девушки, кажущейся до боли знакомой. Только откуда – так и непонятно. Бедняжка лежала на холодном камне в одной только белоснежной простыне и что-то неразборчиво шептала. Руки и ноги ее были привязаны к вбитым деревянным кольям. Оля оглянулась, но больше никого не заметила. Ей очень хотелось помочь, научиться управлять своими снами и хотя бы один-единственный раз дать кому-нибудь в них выжить.

Подошла к девушке и встала позади головы. Потянулась рукой к лицу и увидела, как широкая мужская ладонь с небольшой порослью волос на тыльной стороне легла на лоб незнакомки. Оля вздрогнула, поняв, что это не ее рука. Получается, она сейчас находится в теле убийцы и все видит его глазами!

Стало безумно страшно. Сердце зашлось в бешеном ритме, отчеканивая каждый удар. Хотелось проснуться, но не получалось.

Взгляд упал на вторую руку. В ней мужчина держал нож, лезвие которого призывно сверкнуло в ярком свете луны.

Незнакомка еще сильнее завозилась. Оля видела, как из

ее глаз текут слезы, спускаясь тонкими дорожками к вискам. Мужчина ладонью, лежащей на лбу бедняжки, слегка нажал, заставляя запрокинуть голову, а ножом резко полоснул по шее. Кровь брызнула фонтаном.

Оля перевела взгляд на лицо девушки и в испуганных и заплаканных глазах незнакомки признала себя. Без сомнений, сейчас в ее сне на алтаре лежала она сама.

Где-то над головой громко каркнул ворон, отвлекая внимание, и Оля проснулась. Села на кровати, тяжело дыша. Сердце стучало неистово, заглушая любые звуки. На лбу и висках выступила испарина, а руки настолько дрожали, что их даже в замок не получалось сцепить.

Оля осмотрела комнату. Дед спал по-соседству, и в доме стояла тишина, которую разбивало лишь тиканье настенных часов с кукушкой. В горле все пересохло, девушке хотелось подняться и сходить попить, но она не стала этого делать. Мало ли, разбудит дедушку, ведь надо пройти мимо его комнаты. Придется тогда объяснять, почему ее так трясет, а в глазах покоится страх, как всегда бывало после каждого ужасного сна.

Снова опустилась на подушку. Полежала с открытыми глазами минут пять, пока дыхание и сердцебиение не пришло в норму. Успокоившись, опять попыталась уснуть. И у нее получилось. Ну, почти получилось.

Кровать стояла возле окна, и через деревянные ставни, если прислушаться, отчетливо слышались шаги. Кто-то про-

шел совсем рядом. Девушка порадовалась, что перед тем, как лечь спать, закрыла окно, не оставляя для себя приток свежего воздуха, и задернула шторы. Но они не слишком плотные и не могут скрыть тень за окном. А та была большая и не похожая на человеческую. По крайней мере, Оле так показалось. Если только человек размером минимум с медведя.

А может, она просто спит?

В опровержение этой мысли тень двинулась вперед и остановилась возле окна. Девушка даже перестала дышать. Что же делать? Бежать к деду? У того есть ружье, с которым он хорошо управляется. А еще лучше – добраться до телефона и вызвать полицию. Может, просто местные алкаши решили побродить под окнами чужих домов? Но как они так неслышно перелезли через высокий забор?

Оля, как в детстве, закрыла глаза, надеясь, что сейчас их откроет – и все кошмары сами по себе развеются. Зажмурилась сильно-сильно, аж векам стало больно. Ладонями смяла простынь и молча, практически не дыша, прислушалась к звукам за окном.

А они стихли.

Девушка придвинулась к стене, пытаясь понять, ушел ли неизвестный. Но не услышала ничего. От страха сковало все тело, Оля боялась даже пошевелиться. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Задержала дыхание, снова прислушиваясь к малейшему шуму за окном.

Внезапно раздалось резкое, громкое карканье. Оля не выдержала и закричала. Даже не сразу поняла – кричит именно она. Видимо, страх все-таки вырвался наружу, и терпеть больше не получалось.

– Олюшка! – взволнованный голос деда прервал ее крик. Девушка резко распахнула глаза и тут же зажмурилась от яркого света. – Что случилось, милая?

Горячая, сухая ладонь прошлась по влажным спутавшимся волосам. Оля всмотрелась в растерянное и взволнованное лицо Николая Петровича.

– Сон, – ответила кратко. Говорить о шагах за окном не стала. И без того напугала старика.

– Бедная ты моя девочка. Пойдем, я травки успокоительной заварю.

Молча кивнув, Оля поднялась с пружинной кровати и, накинув на плечи халатик, вышла из комнаты. Дед к тому времени уже поставил на плиту чайник.

Оля сидела за большим обеденным столом, держа в руках горячую кружку с отваром. Ладони все еще немного подрагивали, а в голове раз за разом слышалось воронье карканье. Почему именно оно? Откуда взялся тот странный ворон, который сначала изувечил ей руку, а теперь словно наблюдает и напоминает о своем присутствии.

– Деда, скажи, а ты знаешь, как избавиться от этого... – Оля замялась, не зная, как назвать то, что с ней происходит вот уже на протяжении двадцати пяти лет, – ...дара? – по-

следнее слово она произнесла чуть слышно.

От ее вопроса лицо Николая Петровича стало хмурым, резче обозначились морщинки. Он задумался, решая, рассказывать ли то, о чем знает, или нет. Стоит ли расстраивать внучку, не по своей воле обреченную на такое существование?

Раздумывал мужчина недолго, а потом заговорил, смотря в одну точку над головой Оли. Он словно перенесся мыслями куда-то далеко, туда, откуда давно уже ушел.

– Когда был еще молодым, лет двадцать, не больше, я видел, как страдает моя сестра. Изводит себя после этих проклятых снов, которые не давали ей нормально отдыхать по ночам. Они приходили к ней не так часто, как к тебе, но все же после них она ходила сама не своя. Я уже тогда знал, что, стоит ей родить дочь, в тот же день моя любимая сестренка умрет. И я стал искать возможность избавиться от проклятья. Спрашивал, узнавал, кто еще из семьи владел даром и с кого все началось. Мне так никто и не дал внятного ответа. А когда я пытался настаивать, на меня смотрели как на врага. Раньше не приветствовалась какая-либо магия. Сейчас-то всякие гадалки и колдуны делают из нее бизнес, а в мое время их бы давно уже осудили и подвели под трибунал, – Николай Петрович покачал головой, а потом продолжил: – Так вот, я, когда не нашел нужного мне ответа, вспомнил про одну травницу. Тетя Нюра ее звали. Дед рассказывал, никто не знал, как та появилась в деревне. Просто при-

шла и стала жить в заброшенном доме. Дед тогда еще ребенком был, а она – уже старухой, и тем не менее его пережила. А он ведь умер в глубокой старости. Многие говорили, мол, травница эта с нечистой силой дружит. Я тогда к ней пошел, несколько дней порог обивал, а бабка только меня к лешему посылала и дверь перед носом захлопывала. Когда же поняла, что не уйду, пока правду не узнаю, то смирилась и в дом пригласила. Пообещала рассказать, откуда дар этот взялся, если только я на сделку с ней пойду.

– Какую сделку? – перебила Оля, нетерпеливо постукивая пальчиками по кружке.

– Я принимаю ее знания, обучаюсь всем премудростям, а она открывает мне правду.

Старик замолчал, словно вспоминая то, о чем ему трудно говорить.

– Ну, деда, не томи! – подогнала его Оля.

– Так вот, – продолжил Николай Петрович. – Я согласился. Учился в растениях разбираться и запоминать какое от чего лечит, вставал на рассвете, иногда и в полночь, собирал травы, а потом правильно их сушил. Как оказалось, нелегкое занятие. И вот, спустя целый долгий год, когда старуха убедилась, что я освоил знания и все же есть от меня толк, она рассказала. Моя прапрапрабабка происходила из богатого рода купцов. Первая красавица на деревне, все парни головы сворачивали, когда встречали ее на своем пути. А девка в простого конюха влюбилась. Небогатого, да еще и женато-

го в придачу. И решила красавица отбить его у жены. Это не привечалось, если бы отец узнал, то выпорол при всем честном народе, но гляди-ка, не побоялась. Видать, сильно любила. Не знаю как, но девица добила взаимной симпатии, и они стали тайком встречаться. Подговорила она мужика жену бросить, а та на сносях была. Конюх же, повинувшись своему затуманенному страстью мозгу, пришел домой и рассказал все благоверной. А жена-то у него оказалась непростая. Говорили люди – с нечистым дружит и магией черной балуется. Муженек после того разговора сразу же ушел из дома. Бабе той плохо стало, она в ту ночь родила мертвую девочку и сама много крови потеряла. Повитуха, которая роды принимала, сказала, что обманутая жена перед смертью прокляла мужа и прабабку мою. Но никто не принял близко к сердцу ее слов, – старик покачал седой головой и тяжело вздохнул. – Не прошло и сорока дней, как конюх и красавица свадьбу сыграли. А на сороковой умершая жена пришла ночью посмотреть, как они счастливо живут. После ее прихода сны и начали купчихе сниться. Сперва та внимания на них не обращала, а потом заподозрила в этом не просто совпадения. Через год супружеской жизни она сына родила. Еще через год – дочь. И вот при этих родах-то и умерла. А дочь, как подросла, тоже сны видеть стала. Отец ее понял – передалось ей проклятье от матери. Он тогда на могилу бывшей жены пришел, каялся, на коленях стоял, плакал, прощения просил, и ночью во сне ведьма пришла к нему.

Но лишь смеялась и говорила, что весь род теперь по женской линии разлучницы-купчихи проклят. Вот так отомстила она за смерть нерожденной дочери и за предательство. И как снять проклятие никто не знает.

Старик замолчал, и в комнате повисла гробовая тишина. Оля тоже не находила слов после такого непростого рассказа. А еще ее одолела злость на дальнюю родственницу и на конюха. Как они могли так поступить? Ладно, купчиха – дурная и избалованная девица, в чем Оля не сомневалась. Но мужчину, предавшего беременную жену, она не понимала. Жалела ту, и почему-то не осуждала ее злости. А чего еще ожидать от огорченной и преданной мужем, тем более если она – ведьма?

– А откуда все знала тетя Нюра, если сама не из той деревни, а пришедшая? – задала Оля вопрос, который ее мучил с самого начала.

– Уж не знаю. Спрашивал, но старуха только посоветовала не забивать себе голову. Я подозревал, что она не просто травница какая-то, а силу имеет. Мне, когда учился у нее, случайно попалась фотокарточка, где тетя Нюра с дочерью своей стоит, а снизу год написан. И получается, на тот момент, когда она взяла меня в ученики, ей было минимум сто лет. Но выглядела травница не больше чем на шестьдесят. Я тогда не стал ничего спрашивать, убрал фотокарточку на место.

– А что потом случилось с этой тетей Нюрой?

– Исчезла в ту ночь, когда рассказала мне все, и больше никто о ней не слышал. Мужики говорили, будто видели на рассвете, как она в лес уходила. Я, когда в избушку ее утром пришел, на столе нашел записку: мол, теперь все книги и знания мне достаются, и я должен лечить людей. Так потом и делал. Какая медицина-то в деревне? Все врачи в городе только, вот и лечились как могли.

Глава 5

Остаток ночи Оля спала спокойно. А вот утром девушку разбудил голос Николая Петровича, с кем-то оживленно разговаривающего на улице.

– Петрович, ну ты представляешь, такое у нас случилось! – проговорил собеседник деда раззадорено.

– Тихо ты! У меня внучка спит еще. Чего случилось-то?

– Как чего? В нашем лесу труп девушки нашли! Говорят, уже не один.

Оля тут же вся превратилась в слух, вспоминая сегодняшний сон.

– Первый раз слышу, – отмахнулся от собеседника Николай Петрович.

– Так я тоже, вон, от Нины узнал, что в том конце улицы живет. Мимо ее дома полиция ездила. Рыбаки ночью девочку эту нашли.

Оля потянулась за телефоном и открыла новостную строку. Там действительно говорилось о маньяке.

«Вчера ночью полиция обнаружила уже третье тело девушки. Очевидцы говорят – кто-то провел ритуал жертвоприношения. На расследование пригласили следователя из Москвы. Сколько еще будет жертв и стоит ли опасаться ходить ночью?»

Внизу статьи были фотографии трех улыбчивых красавиц.

виц. При виде них сердце Оли больно кольнуло. Она знала этих девушек. Те снились ей еще дома, в Москве.

Глухо застонав, Оля прикрыла глаза и упала на подушку. Но потом резко села на кровати. Вспомнила, когда видела последний сон. Всего три дня назад. И ей захотелось кое-что проверить.

Быстро встав, натянула джинсы, футболку, кеды и пошла умываться. Голоса деда и его знакомого все еще слышались на улице, и Оля поспешила к ним.

Стоило ей выйти на крыльцо, как яркое солнце резануло по глазам, заставив поморщиться.

– Оленька, ты проснулась уже?

Николай Петрович заметил ее первым, но это было на руку.

– Да. Доброе утро, дедуль, – поздоровалась девушка и поймала на себе заинтересованный взгляд стоящего рядом мужчины.

Она вспомнила его: сосед с другой стороны улицы. Его дочь, кажется, работает учителем начальных классов, а еще у него есть маленькая внучка, с которой сидит жена. Девчушка часто болеет и не ходит в садик. А Николай Петрович поставляет им травы для девочки. Чем ребенок болен, Оля так и не вспомнила.

– Здравствуй, Оленька, – поздоровался сосед, с интересом поглядывая на нее. Оля была редким гостем в этих краях. Если повезет, то приезжала раза два в год.

– Добрый день. Как ваша внучка?

Услышав вопрос, мужчина расплылся в улыбке. Видимо, ему польстило такое внимание.

– Хорошо. Лето наступает, а в теплое время года она редко болеет.

– Это замечательно. Я тут случайно услышала ваш разговор с бабушкой. У нас и правда вчера нашли мертвую девушку?

– Да, – активно закивал сосед, а Николай Петрович нехорошо так посмотрел на внучку. Видимо, додумался зачем спрашивает.

– А где нашли-то, знаете?

– Конечно. Ты ведь помнишь озеро, где мужики рыбачат?

Оля кивнула. То находилось неподалеку от вылечившего ее вчера. В детстве они с дедом часто туда ходили.

– Так вот. От озера километра три в лес.

– А сами-то вы там были?

– А то! Интересно все же. Жалко, конечно, девочку. Мы с соседом с самого утра сходили, посмотрели, но ничего не нашли кроме желтых полицейских лент.

– Да, жалко, – прошептала себе под нос Оля и зачем-то посмотрела на небо, по которому быстро плыли белые пушистые облака. – Деда, я схожу прогуляться. К обеду буду.

– Оля, – Николай Петрович схватил внучку за руку и несильно дернул на себя. – Не смей.

– Что не смей? – сделала она непонимающий вид.

– Тебе мало тех снов? – прошептал старик практически одними губами, не обращая внимания на с интересом взирающего на них соседа.

– Все нормально. Я просто прогуляюсь.

Оля осторожно освободила ладошку и шагнула назад, ловя неодобрительный взгляд деда.

– До свидания, – помахала рукой соседу и как можно быстрее зашагала в сторону леса, пока дед не решил ее догнать.

Если вчера, идя к озеру, девушка не испытывала никаких ощущений, то сейчас стало немного жутко. Что она хотела найти на том месте, где обнаружили труп? Убедиться, было ли всё именно так, как в её снах? А дальше? Вот убедится, и? Сможет изменить произошедшее? Конечно нет! Ничего она не сможет. Бедняжку уже убили.

Оля подумала о сне, приснившемся три дня назад. Если бы она тогда что-нибудь предприняла, то, возможно, спасла бы несчастную.

Или нет? Допустим, она бы рассказала полиции о своих снах. Да кто бы ей поверил? В худшем случае могли и в психиатрическую клинику отвезти. Нет, нельзя так рисковать. Ей еще как-то жить дальше и желательно без негативных последствий.

Она шла по лесу, окутанному теплым солнечным светом и приятным пением птиц, до тех пор, пока не заметила желтую ленту, привязанную к нескольким деревьям. Подойдя ближе,

осмотрелась, быстро переступила ленту и почувствовала себя преступницей, совершающей какое-то правонарушение.

Быстро отбросив эту мысль, Оля подошла к месту с прямой травой, и ее сон словно ожил. Она с открытыми глазами и наяву видела девушку с привязанными руками и ногами и слышала голос мужчины, что-то произносящего нараспев. Оля не видела лица: его скрывал капюшон черного балахона.

Самое страшное – незнакомка была еще жива, когда ей распарывали грудную клетку. Девушка явно кричала, но из широко открытого рта не вырывалось ни звука, словно она немая.

Пока мужчина разрезал плоть, кровь стекала на землю и траву, сразу же впитываясь, не оставляя каких-либо следов. Отложив скальпель, мужчина взял реберные ножницы Штилле, лежавшие сбоку от него, и приступил к работе. Когда наконец-то орган был удален, убийца положил его в небольшой холодильник – в медицинских учреждениях обычно такой использовали для транспортировки. А после вложил какой-то предмет в грудную клетку, собрал ребра, зашил ткани, соединяя кожу, и омыл тело уже умершей незнакомки. Достав белую простынь, аккуратно замотал в нее девушку, прижав руки к бокам и выпрямив ноги.

Оля знала – все то же самое он проделывал и с другими. С теми, которые ей снились.

– Что вы тут делаете? – раздался за спиной Ольги мужской

голос. Девушка вскрикнула от неожиданности и обернулась.

Перед ней стояли двое мужчин. Одного она уже знала – именно он приходил к ней в снах уже месяц.

– Вам нехорошо? – проговорил выглядевший помоложе, обеспокоенно смотря на Олю.

– Нет, все нормально. Просто пришла кое-что проверить.

– И что же? – спросил московский следователь, буравя недовольным взглядом. Оле показалось, будто он ее вспомнил.

– Какая разница. Вы все равно не поверите, – чуть слышно проговорила она. Девушка все еще была напугана, и голос, как и руки, немного подрагивал.

– А если поверим? – с вызовом спросил мужчина и сделал шаг в ее сторону.

Скоблеву не особо понравилось, что по месту преступления, где возможно убийца мог оставить хоть какие-то отпечатки или следы, ходят все кому не лень. А он ведь предлагал поставить на несколько дней патруль. Случалось, иногда убийцы возвращались, чтобы проверить, все ли за собой подчистили. Здесь же, если привести криминалиста, наверняка уже найдется с десятков следов, принадлежащих вот таким любопытным зевакам. Рома понимал – новость об убийствах всколыхнула город, до этого живший тихо-мирно, и всем хочется поглазеть лично. Но должны же люди иметь хоть какую-то совесть!

Почему-то Оле захотелось рассказать этим двоим правду.

Тем более вряд ли ложь покажется правдоподобной: она никогда не умела врать. Помнится, отец говорил, что не взял бы дочь в разведку, так как у нее все написано на лице.

Оля любила отца, как и мать. И хотя никогда не видела ее вживую, у них дома было много фотографий. Оля часто с отцом ездила на кладбище, а потом, лежа по вечерам в своей комнате, представляла, как мама читает ей сказку, гладит нежной ладошкой по волосам, успокаивает. Как же Оля хотела поделиться с мамой первыми секретами! Она всегда завидовала одноклассницам, когда те рассказывали о своих матерях, и мечтала о том, чего никогда не будет.

Оля уже хотела открыть рот и признаться, но удивленный голос Скоблева ее остановил:

– Подождите, а я вас помню! Вы та самая девушка, которая вчера врезалась в меня на вокзале. Я ведь прав?

– Да, – не стала скрывать она.

– Как вас зовут?

– Ольга.

Скоблев на секунду замолчал, рассматривая испуганное лицо. Он вспомнил ее. Еще бы, разве можно забыть эти испуганные зеленые глаза? К тому же у него всегда была хорошая память на лица. Но следователя мучил главный вопрос:

– Так зачем же вы пришли на место преступления, Ольга?

– Кое-что проверить, – тихо, практически беззвучно повторила она. – Но, как я уже сказала, вы мне не поверите.

– А вы попробуйте рассказать. Мне вот, к примеру, инте-

ресно послушать, – Роман сложил руки на груди, буравя Олю тяжелым взглядом.

– Мне приснилось, как убивают эту девушку. И не только ее, но и остальных.

Оля замолчала, глядя на мужчин, стоящих напротив. Что они хотели от нее услышать? Явно не это. Их насмешливые взгляды сменились непонимающими. Следователи переглянулись, а потом снова уставились на нее. Только вот смотрели так, словно она – больная на голову и сморозила какую-то чушь.

– Сны? – скептически проговорил Морозов.

– Да, сны.

– И вы можете поведать нам, кто же все-таки убийца? – насмешливо поинтересовался Скоблев, и Оля слышала в его словах сарказм.

– Могу! – с вызовом проговорила она, не подумав, что такие слова могут звучать смешно. Или, еще хуже, ее примут за убийцу или соучастницу.

– Так расскажите же нам, Ольга.

И Оля рассказала.

Мужчины стояли молча и хлопали глазами, когда она в подробностях описывала сцены с вырезанием органов, как в землю и траву впитывается кровь, а потом не остается никаких следов. Оля понимала – рассказ звучит как бред сумасшедшего, но почему-то впервые захотела с кем-нибудь поделиться. Наверное, просто уже устала держать эту тайну в

себе. Тайну, день за днем разрушающую душу.

Когда Оля закончила, мужчины смотрели на нее странными взглядами, которые никак не получалось расшифровать.

– Забавная история. А теперь вали отсюда, ненормальная! Морозов, у вас из психушки случайно никто не сбежал? – разозлено процедил Скоблев и шагнул к Ольге.

– Я же предупреждала, что не поверите.

– Вали, я сказал! Иначе закрою на несколько суток, и вся эта дурь из башки выветрится! Еще раз увижу – пеняй на себя.

– Ну и пожалуйста.

Его слова сильно задели, и глаза девушки тут же увлажнились. Оле стоило огромных усилий сдержать слезы. Она не плакала очень давно. Когда в последний раз? На похоронах отца? Скорее всего.

Невероятно захотелось сделать какую-нибудь гадость, и сдержаться не получилось. Как говорится: сгорел сарай – гори и хата! Обойдя мужчин по дуге, Оля перешагнула желтую ленту и обернулась, смотря на их спины.

– Милый, – громко выкрикнула девушка, – пожалуйста, научись жить без меня!

Скоблев моментально обернулся. И выглядел он ошарашенным и потерянным. Оля же удовлетворенно улыбнулась и, развернувшись, ушла.

Она сначала не поняла, что именно сказала. Слова будто бы сами вырвались, но Оля прекрасно знала, откуда они

– из сна про смерть женщины-полицейского. Когда та лежала мертвая, над ней склонялся именно этот следователь. Он, скорее всего, был для нее кем-то близким, возможно, мужем или любовником. Мужчина тогда взял телефон из ладони погибшей и, разблокировав его, прочитал последнее СМС. По-смертное послание, оставленное любимому.

Глава 6

Рому словно обухом по голове ударили. Откуда девчонка знает, черт возьми?! Он ведь никому не говорил!

И тут же перед мысленным взором всплыла картинка из прошлого. Яркими красками появился образ Марины, лежащей на асфальте в крови: из груди торчит железная палка, открытые глаза невидяще смотрят вдаль.

Кто-то кричал, звал, но Рома ничего не слышал. В центре его мира сейчас находилась только она одна. Скоблев быстро прошелся взглядом по телу жены и заметил в ее руке телефон. Разблокировал, и на включенном экране появились черные буквы, составленные в слова: *«Милый, научись жить без меня»*.

Она написала это, умирая, зная – без нее муж просто погибнет.

Марина была его опорой. Он любил жену больше жизни. А теперь ее не стало, как и не стало самого Ромы.

Когда-то давно, лежа в своей кровати и обнимая жену, Скоблев задумался: а что же с ним будет, если вдруг ее не станет? Сам не знал, почему пришла такая мысль. И понял: если по каким-то причинам Марина уйдет от него или, чего хуже, умрет, то он точно пропадет. С уходом своей второй половинки распадется на части. Неужели можно любить настолько сильно?

– Роман Русланович, с вами все в порядке? – где-то рядом проговорил Морозов, выводя из тяжелых воспоминаний.

Рома встряхнулся и осмотрелся в поисках незнакомки. Той поблизости не оказалась. Ему стоило колоссальных усилий не сорваться с места и не допросить девушку с пристрастием. Ни одна живая душа не знала про то СМС, так откуда о нем известно девчонке?

– Да, все хорошо, – хриплым от волнения голосом произнес Роман.

Скоблев совсем забыл, зачем они сюда приехали. А ведь с утра изъявил желание съездить на место поступления и при дневном свете хорошенько все рассмотреть.

– Так что вы хотели здесь найти? Вроде бы все так же, как и вчера.

Леня Морозов, аккуратно ступая по траве, выискивал в ней... что именно – и сам не знал. Рассказ девчонки шокировал, и он не понимал, как на него реагировать. Ну и бурная же фантазия! Скорее всего, пересмотрела ужасов на ночь. Следовательно не хотел думать о том, будто эта молодая, красивая девушка могла быть как-то связана с убийцей. По-хорошему нужно узнать о ней побольше. Может, и правда из местной психиатрической клиники сбежала?

– Не знаю, – ответил Скоблев, тоже рассматривающий примятую траву.

– Раньше на двух убийствах мы ничего не нашли. Меня все мучает вопрос: как убийца так чисто работал с телами?

Тут даже слегка поранишься – много крови будет. А когда разрезают тело и достают оттуда орган? Но мы-то не обнаружили ни одной капли ни на теле погибшей, ни на земле. Притом Наталья Юрьевна утверждает, что тела не переносили, а резали там, где их и оставили. Как тогда? Вам не кажется это странным?

Рома посмотрел на молодого коллегу. Вчера, когда впервые увидел Морозова, принял того за неопытного зеленого следака, неспособного, кроме кражи местным алкашом бутылки из магазина, больше ничего раскрыть. Но Леонид удивлял своими познаниями и стремлением работать хорошо. Скоблев ценил таких работников. Ему бы парочку подобных в штат не помешало.

– Да, ты прав, я тоже об этом думал. Ладно, здесь действительно ловить нечего. Поехали в детский дом. Может, там будут какие зацепки. Не зря же убийца выбирает именно сирот.

Согласно кивнув, Морозов прекратил поиски и направился к машине.

Детский дом Скоблева удивил. Он ожидал увидеть небольшое типовое серое здание с хмурыми детишками и суровыми воспитательницами, но все оказалось наоборот. Строение выглядело как деревянный резной замок в четыре этажа. На территории – несколько построек и много зелени. Даже и не скажешь, что центр города.

Директор, Юрий Никифорович Маслеников, невысокий,

крепкий улыбчивый мужчина с пухлыми раскрасневшимися щеками, встретил следователей с распростертыми объятиями. И его улыбка не была похожа на напускную. Казалось, от него исходит какое-то тепло. Скоблев не понял, в чем дело, но мужчина к себе располагал. Роме редко нравились люди, а директор детского дома вызывал только самые теплые чувства. На первый взгляд.

– А тут у вас красиво, – проговорил Роман, проходя по длинному коридору, на стенах которого висели детские рисунки.

– Это мое родовое поместье.

Роман перевел удивленный взгляд на собеседника.

– Серьезно?

– Да, – горделиво ответил тот. – До сороковых годов здесь была просто графская усадьба, а во время войны дед отдал ее под госпиталь. Потом, в шестидесятых, решили сделать детский дом. Я горжусь тем, что это не просто какое-то здание, имеющее культурную ценность, а дом, где многие дети нашли себе приют. Место, где их любят и уважают их мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.